

Н. А. Непомнящих, И. С. Полторацкий

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Сюжеты и мотивы младописьменных литератур Сибири:
к вопросу о сравнительном изучении и типологии**

Рассмотрены общие для разных младописьменных литератур (шорской, эвенкийской, нивхской, хантыйской и др.) и изучены как отдельные мотивы в художественной системе произведений конкретных авторов сюжетно-мотивные комплексы утраты, смерти старика/старухи, столкновения с медведем, шаманского камлания глазами ребенка. Преобладающая фольклорная и бытовая основа сюжетики произведений писателей народов Сибири во многом предопределяет типологический характер их сходства, стирая подчас грани между конкретными текстами и сюжетными реализациями, повторяя общие для всех народов Сибири мотивы, образы. Именно совокупностью всех названных обстоятельств обусловлен тот факт, что в литературах народов Сибири одни и те же сюжеты частотны, повторяются и воспроизводятся в книгах самых разных писателей.

Ключевые слова: младописьменные литературы, литературная традиция, фольклор, мифопоэтика, жанр, сюжет, мотив.

Появление и расцвет литератур народов Севера и Сибири связаны с влиянием процесса глобализации на образ жизни представителей традиционных культур. Именно в XX в. появляется такой уникальный феномен, как младописьменные литературы народов Севера и Сибири. Изучение возникновения и развития этих литератур началось не так давно, и некоторые вопросы оставались вне поля исследовательского зрения, например, исследование доминирующих в новых литературах сюжетов и мотивов.

Несмотря на научный интерес к феномену младописьменных литератур, их типологическое сходство на уровне сюжетов и мотивов до сих пор не становилось предметом последовательного изучения. Оно обусловлено многими факторами: единообразием условий жизни, диктующими особенности традиций и быта, общими основами фольклора, а также условиями возникновения и развития данных литератур, сформированными миссионерской практикой Русской православной

Непомнящих Наталья Алексеевна – старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alkat@ngs.ru)

Полторацкий Иван Сергеевич – младший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ipoltora@gmail.com)

церкви и советским централизованным образовательным проектом, общим практически для всех коренных народов Севера и Сибири. Однако необходимо углубленное изучение генезиса этого сходства: в одних случаях оно обусловлено общностью или сходством мифологии и фольклора разных народов, в других – является плодом литературных и культурных влияний (например, может иметь источником русскую классическую и советскую литературу). Особый интерес представляют оригинальные сюжеты, появляющиеся именно в национальных литературах.

Большая часть сюжетов и мотивов младописьменных литератур имеет бытовую основу – описание каких-то привычных, рутинных действий, трудовых процессов: охотничьих и рыболовных хитростей, порядка ухода за оленями и другими животными, особенностей выделки шкур, секретов пошива традиционной одежды. Эти и другие занятия, составляющие содержание многих рассказов как по отдельности, так и в составе романов и повестей, попадают в книги из самой жизни. Немало в книгах пересказов фольклорных сказок, быличек, сказаний, песен, поверий. Обилие сюжетов, основанных на бытовых реалиях, чаще всего объясняется либо незрелостью (отсутствием стадийного развития) этих литератур, либо как их своеобразие, отличительная черта. Однако стоит помнить, что перед национальными писателями, которые во второй половине XX в. получили образование в Москве и Ленинграде, стояла определенная задача – показать другим историю и культуру своего народа, рассказать о нем миру, – и потому этнографические подробности и даже целенаправленное использование этнографических источников, приспособляемых к художественному повествованию, были призваны эти задачи решать. Уникальность заключалась в том исключительном по своему содержанию материале, о котором мало что было известно широкому читателю. Ведь даже многие их сокурсники зачастую весьма смутно представляли себе быт северных и сибирских народов, почти ничего не знали об их языках, культуре, фольклоре, мифологии, да и просто об их повседневной жизни в непростых климатических условиях [Непомнящих, 2014].

Разумеется, сюжеты и мотивы младописьменных литератур не сводятся лишь к этнографическим источникам и материалам, большое влияние на литературу оказывают фольклор и мифология. Так, в эвенкийской литературе, в книгах известных эвенкийских писателей А. Немтушкина и Г. Кэптукэ, нивхского классика В. Санги, знаменитого хантыйского писателя Е. Айпина и других выделяются архетипические, мифологические по своему генезису сюжеты встречи с представителями других культур (цивилизаций), сюжеты разнообразных поединков (как с людьми, так и с животными). Однако одним из самых «продуктивных» в литературах коренных малочисленных народов является сюжетный комплекс утраты. Это обусловлено сложным социально-историческим положением малых народов, постоянно переживающих разрыв со своими культурными корнями, само обращение к которым является своеобразным оправданием творчества. Как правило, культура малочисленных народов ретроспективна, то есть обращена назад – в прошлое, которое представляется либо утерянным раем, либо временем великой трагедии, длящейся вплоть до момента написания художественного текста. Будущее видится безрадостным временем постепенного угасания жизни, настоящее (вкуче с урбанистическими пейзажами, отталкивающе воздействующими на национальное природоориентированное мышление) не приносит удовлетворения. В такой ситуации обращение к памяти предков становится единственным способом автопрезентации.

Доминирующий характер сюжетно-мотивного комплекса утраты в литературах различных коренных малочисленных народов объясняется несколькими причинами: социально-историческими условиями, статусом языка, близостью к фольклорным сюжетам. Народы, исторически отчужденные от своих национальных границ,

не создают, но сохраняют культуру, языки малочисленных народов нередко обла­дают статусом исчезающих, а художественная литература тяготеет к фольклор­ным жанрам. Консервативная «музейная» культура вынуждена защищать свое достояние, не обладая достаточным количеством пассионарных ресурсов для соз­дания новых смыслов и форм. В литературе эта ситуация осложняется просвети­тельским влиянием других, устоявшихся литератур, буквально навязывающих первым национальным авторам эстетические принципы, до которых они не успе­ли развиться самостоятельно. Невозможность качественно освоить сюжетострои­тельную парадигму нового времени приводит к формированию специфических авторских стратегий письма, связанных с билингвальным мышлением.

Можно выделить группу авторов, пишущих исключительно на национальных языках и принципиально игнорирующих возможность перевода. Но подобные тексты слишком герметичны для выхода в межнациональное пространство, ис­следования данной группы текстов затруднены особенностями языка: коммента­тор либо должен владеть языком с рождения, либо быть энтузиастом-популяриза­тором культуры данного народа. Нам известны имена многих этнографов, лингвистов и фольклористов, посвятивших свою жизнь изучению культуры ко­ренных народов, но литературоведы среди них встречаются достаточно редко. В первую очередь необходимо сохранить, записать и перевести фольклор мало­численного народа, что само по себе является сверхзадачей, требующей усилий целого круга исследователей, а уже после этого рассматривать «надстройку» но­вой литературы. Поэтому многие тексты, написанные на национальных языках, до сих пор остаются непере­веденными, а самим авторам приходится придержи­ваться менее радикального подхода к своему творчеству. Второй стратегией ав­торской репрезентации является одновременное существование двух версий тек­ста – оригинальной и переводной, причем возможны различные варианты: текст изначально написан на национальном языке, потом самим же автором переведен на русский, и наоборот. При авторской работе с двумя языками возникают свое­образные двойчатки, представляющие собой целостный текст, существующий на двух языках. И третий вариант – написание текста на неродном языке, но с ис­пользованием национальных сюжетов и образов. Здесь художественный эффект достигается за счет применения «языка отчуждения», которым описывается тра­гическая ситуация самого отчуждения [Полторацкий, 2015, с. 124].

Есть авторы, которые совмещают творчество на двух языках, разводя их и за­крепляя за каждым из них свою сферу: чаще всего поэзия принадлежит родному языку, а проза, в особенности крупная эпическая форма, пишется на русском – это характерно для эвенкийской, нивхской, хантыйской и некоторых других литера­тур. Родной язык ближе и «удобнее» для выражения чувств, поэтические произ­ведения, по форме краткие, соотносимые с фольклорными песенными жанрами, оказываются ему более органичны. Жанры повести, романа «заимствуются» эти­ми культурами вместе языком той культуры, которая их предлагает как образ­цовые.

Наибольшее количество произведений младописьменных литератур Сибири, получивших признание, опубликованы в 1960–1990-е гг. Именно в этот период становятся известными такие писатели, как Ю. Рытхэу, Ю. Шесталов, Г. Ходжер, В. Санги, Е. Айпин, А. Неркаги, С. Курилов, А. Кривошапкин, В. Ледков, А. Нем­тушкин и другие. В эти же годы печатается большое количество работ по литера­турной теории, идет полемика о литературных направлениях, стилях, жанрах, их границах и т. д. В прессе поднимаются вопросы, связанные с жизнью литературы: одной из самых резонансных, всколыхнувших не только литературную общест­венность, была дискуссия о прозе деревенщиков. В связи с этим примечательно, что в разных литературах народов Сибири (шорской, хантыйской, эвенкийской,

нивхской, ненецкой и др.) в 1970–1990 гг. актуализируется тот же мотивный комплекс утраты, что и в русской деревенской прозе.

Отчасти это обусловлено тем фактом, что литературное творчество писателей коренных малочисленных народов Севера и Сибири возникло и развивалось в контексте русской культуры, то есть не в «герметичной» локальной среде, а в процессе диалога двух культур [Якимова, 1982, с. 204–228; Бологова и др., 2014]. Многие писатели создавали произведения на двух языках: родном и русском, но прозу, крупные жанровые формы (роман, повесть) предпочитали писать и издавать на русском языке. Национальные культуры, испытывая воздействие иной культуры, отчасти ассимилировались, отчасти вбирали в себя те элементы, идеи, художественные принципы, способы репрезентации, которые могли являться источником нового, стать импульсом к их развитию в контексте мировой и многонациональной российской культуры. Остро вставал вопрос о сохранении национальной идентичности, и именно эта проблематика становится центральной в творчестве писателей указанного периода, она, как и в русской деревенской прозе, находит свое выражение в мотивах памяти и сюжетах о стариках и старухах, носителях и хранителях памяти – исторической, крестьянской, родовой. Житейская мудрость и вековые традиции, тщательно оберегаемые этими стариками и старухами, противопоставлены рациональному и прагматическому уму современной молодежи, покидающей родные места. Если старики держатся за вековой уклад жизни, коллективные традиции, то молодежь сознательно ориентирована на кажущиеся ей более привлекательными достижения цивилизации, в ней уже развито чувство индивидуализма, которое вступает в конфликт с устоявшимися представлениями предков («Последняя дань обычаю», «Изгин», «У истока» В. Санги). Старики в отличие от молодых с большим трудом и болью расстаются со своими родными местами, для многих из них такое расставание подобно смерти, и не только метафорической.

Одни и те же мотивы воспоминаний о детстве, утраты памяти, смерти стариков характерны для прозы В. Санги, А. Немтушкина, Е. Айпина, Г. Кэптукэ и других авторов: в их книгах одним из центральных персонажей становится бабушка или дедушка, воспитавшие ребенка, ставшие для него мудрыми наставниками и передавшие любовь к Родине и традициям предков, смерть бабушки (дедушки) переживается не только как личная утрата, но и как конец определенной эпохи, безвозвратной утраты прежнего уклада. Эти книги об уходящих традициях своих народов, о трагедии, которая постигла их в результате исторических перипетий XX в., о насильственном навязывании многим народностям на территории Сибири оседлого образа жизни, замены традиционной охоты, рыболовства, оленеводства, промыслов колхозами во многом перекликаются с трагическими страницами книг писателей-деревенщиков. И те и другие обращены к образу светлого прошлого, и тем и другим свойственно желание описать в подробностях утрачиваемый быт, опыт, за которыми стоит многовековая жизнь множества поколений.

Схожие проблематика, конфликт, включение в текст фрагментов и обработок фольклорных источников, а также общие сюжеты и мотивы, в частности мотивы утраты, родовой и исторической памяти, детских воспоминаний и широко распространенный сюжет смерти старика/старухи, который, помимо буквального и зачастую автодокументального содержания, имеет иное, переносное значение, становящееся глобальной метафорой утраты традиционного образа жизни, безвозвратного исчезновения исконной культуры, – все это в совокупности роднит многие произведения, написанные писателями о трагических судьбах народов Сибири, с русской деревенской прозой, типологически им наиболее близкой. Не имея литературных образцов в родной культуре, писатели волей-неволей ориентировались на те произведения русской литературы, которые были созвучны их художественным задачам. Будучи первопроходцами, создавая литературу о своих

народах и для своих народов, они рассказывали о национальных традициях, особенностях, быте, обычаях, повседневной жизни в суровых природных условиях. В их произведениях тот же пафос любви к утрачиваемому вековому укладу жизни вследствие вторжения цивилизации, проблемы экологии, воспоминания о детстве и мудрых людях, обращение к фольклору, национальной мифологии, что и в деревенской прозе. Таким образом, в сюжетно-мотивном комплексе утраты, архетипичном для многих национальных литератур малочисленных народов, выделяются два основных мотива: личная и национальная утрата, которые, взаимодействуя и развиваясь, отражают роль частной судьбы человека во всеобщей судьбе народа и культуры, взаимодополняя и усложняя друг друга.

Есть также несколько типичных сюжетов, в равной степени распространенных у разных писателей Сибири вне зависимости от географии проживания или принадлежности к определенной национальной культуре. Отчасти так происходит потому, что быт и фольклор этих народов во многом похожи, обусловлены общей историей их развития. Так, древнейший сюжет поединка героя с чудовищем (или другим героем или зверем) реализуется в младописьменных литературах по преимуществу как столкновение с медведем: первый вариант – случайная встреча в тайге; второй – охота на зверя, носящая характер инициации, до нового времени сохраняющая древние обрядовые действия и поверья. Общими мотивами для различных вариантов сюжета являются мотив испытания молодого охотника (удачное / неудачное испытание), а также мотив нарушения старинного обычая на охоте или перед нею, повлекшего неудачный для охотника исход. О распространенности сюжета свидетельствует тот факт, что он встречается практически у каждого писателя: в романах «Битва Кевонгов», «Ложный гон» и рассказах «Голубые горы», «Последняя дань обычаю» В. Санги; романе «Конец большого дома» Г. Ходжера; рассказе «Хозяин тайги» Ю. Шесталова; в повести «Маленькая Америка» в главе «Дедушка уезжает умирать в Сквородино» Г. Кэптукэ и др. Особняком стоит вариант сюжета, где противостояние человека и медведя имеет символический характер (например, описание Медвежьего праздника в книге «Мне снятся небесные олени» А. Немтушкина). Для человека столкновение с медведем (или другим диким зверем в тайге) – всегда испытание, и не только на прочность, зрелось, физическую выносливость и силу, но и на верность обычаям предков, мужество, порядочность, честность. Обычно это испытание становится важной, переломной вехой в судьбе героя. Зачастую столкновение человека и медведя актуализирует и заставляет вспомнить древние поверья, связанные с медведем, их нарушение также может существенно повлиять на судьбу героя и, в конечном счете, на сюжет произведения в целом. Вариант сюжета о поединке с медведем, выявляющим личностные качества человека, относится к сюжетам новым, переосмысляющим традиционные фольклорные источники и обычаи в целом.

Устные рассказы об охоте на медведя (несказочная проза в форме быличек, семейные и охотничьи рассказы о случаях на охоте) также могут стать источником этого сюжета, но тогда в нем нет никакого развития и переосмысления, лишь фиксация произошедших событий, которая чаще всего вложена в уста какого-либо героя как вставной рассказ. В произведениях с данным сюжетом нет каких-то специфических отличий, обусловленных характером той конкретной национальной культуры, носителем которой является автор, поскольку, как только речь заходит о медведе, он неизбежно попадает в общее для многих народов Сибири тематическое поле, а повторяемость и ограниченная вариативность «медвежьих» мотивов и сюжетов задана как самим жизненным материалом, так и единими мифологическими и фольклорными источниками. Доля авторской интерпретации их невелика. Лишь у В. Санги разрабатывается новый вариант сюжета, где человек противостоит на охоте хищнику не ради исполнения древних заветов. Значение,

семантика самой охоты меняется: хотя в романах «Битва Кевонгов», «Ложный гон» и рассказах «Последняя дань обычаю», «Голубые горы» поединок становится ключевым событием, в котором проявляется истинная сущность человека, в трактовке сюжета предметом изображения становится не только сама выразительно показанная охота на медведя, но, главным образом, те новые явления, изменения, которым подвергается традиционное мировоззрение: как личное сознание начинает сопротивляться родовому, коллективному и общепринятому порядку. Если раньше соблюдение обычая диктовалось суровыми условиями выживания в тайге, то теперь соблюдение его диктуется лишь исторической памятью и традицией; результат испытания становится личной индивидуальной характеристикой человека, а не показателем готовности его к брачной жизни и гарантией выживания рода.

Сюжетный корпус младописьменных и новописьменных литератур включает как сюжеты, уходящие корнями в мифологию и фольклор, так и сюжеты новые, появившиеся в результате слома традиционного образа жизни народов Сибири в XX в. В начале 1930-х гг. развернутая антирелигиозная кампания проводилась повсеместно и в результате многие шаманы подверглись репрессиям¹. Во многих произведениях конца XX в. есть сюжеты об арестованных шаманах, шаманах, подвергавшихся гонениям, иногда о шаманах, вернувшихся из тюрьмы. Воздействие шаманизма на литературу не исчерпывается лишь сюжетами, оно гораздо глубже, поскольку наряду с фольклором лежит в основе мировосприятия многих авторов, знакомо им с детства; иногда они используют модель мира, присущую шаманизму, в своих произведениях. Современные авторы также рассматривают некоторые шаманские приемы, используемые в камлании, как выразительные художественные средства и в преобразованном виде включают их в литературные тексты. Потому частый и опять же общий сюжет для писателей разных национальных литератур – это ситуация восприятия ребенком шаманского камлания. И хотя в произведениях о шаманских камланиях доминирует бытовая основа сюжеттики, там, где автор отходит от простого описания рутинных действий, обрядов, возникают новые литературные сюжеты. Таковы изображения шаманских экстатических практик в трех сходных по жанру книгах: «Мне снятся небесные олени» А. Немтушкина (1987), «Моя маленькая Америка» Г. Кэптукэ (1991) и «У гаснущего очага» Е. Айпина (1998).

Сцены камлания в них описаны как детские воспоминания автора, якобы еще заставшего в раннем детстве традиционные обряды и верования в их аутентичном, а не «музеефицированном» виде, однако авторские стратегии существенно отличаются. Так, А. Немтушкин в книге «Мне снятся небесные олени» использует этнографический источник (статью И. М. Сулова «Шаманизм как тормоз социалистического строительства»), откуда сцена камлания (около двух страниц текста) заимствована целиком, почти без редактуры и литературной обработки [Сулов, 1932; Непомнящих, 2015, с. 79]. Наиболее далек от просветительских целей при описании камлания Е. Айпин в книге «У гаснущего очага». Рассказ о камлании помещен и постепенно превращается в созвучный ритму ритуала текст: ха-

¹ Подробнее см.: Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930-е гг.: На материалах Хакасии: Дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2000; Мельникова Т. В. Преследование шаманов в годы советской власти // Государство и личность: Политические репрессии на Дальнем Востоке в XX веке: Материалы региональной науч.-практ. конф., 21–22 октября 2004 г.; Амурский обл. краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского. Благовещенск, 2005; Она же. Шаманы под запретом власти // Словесница искусств: Дальний Восток в пространстве мифа и легенды. 2006. № 1(17). С. 73–76. URL: <http://www.slovoart.ru/node/1522> (дата обращения 12.04.2015); Волкова М. Г. Поруганная вера (о репрессиях против священнослужителей) // Книга памяти Красноярского края. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/08.htm> (дата обращения 12.04.2015).

ракетные для камлания приемы ввода в трансное экстатическое состояние используются в главе «Голос бубна» не только как объект изображения, но и как элемент поэтики, как художественный прием. Повторы, имитирующие ритмичность, заданы анафорами и синтаксическим параллелизмом фраз, начинающихся с возгласов, сопровождающих удары по бубну. Ритм бубна повторяется в ритмике фраз, в графике текста. Г. Кэптукэ в книге «Маленькая Америка» в описании шамана и камлания (обряд укрепления души девочки) опирается на собственный исследовательский и жизненный опыт. В целом сюжеты о шаманах являются настолько частотными, что требуют отдельного исследования.

Немаловажно, что все рассмотренные произведения написаны на русском языке, то есть являются рассказом (в широком смысле) о жизни народов Сибири, их обычаях, традициях для широкого круга читателей, с описываемыми реалиями не знакомых. Потому определенный набор или круг мотивов и сюжетов приобретает в книгах разных авторов характер «обязательного», репрезентирующего читателю важные ценности, значимые сущности и типические черты родной культуры, но их общая история, мифология, фольклор, находя отражение в литературных произведениях, создают эффект многократного повтора, мультипликации, а подчас и «единого текста». Многие авторы, принадлежащие к определенной национальной культуре, ощущают себя замыкающим звеном в цепочке, предполагая, что именно на них, буквально на данном тексте, национальная культура и прекратит свое существование. Ярким примером является название книги Г. В. Костякова «Я последний шорский поэт» (Новокузнецк, 2003), с характерной отсылкой к известному стихотворению С. Есенина. Налицо также перекличка с русской деревенской прозой, основным сюжетобразующим мотивом которой также является переживание тяжелой утраты.

Важной особенностью младописьменных литератур является их роль в судьбе своих народов, которую можно охарактеризовать как «сохраняющую общность и национальное единство», то есть помимо эстетической функции, эти литературы несут дополнительную нагрузку, являясь интересным антропологическим источником при изучении различных переходных форм, а также традиционного образа жизни коренного народа, его фольклора, быта, культуры. Кроме того, особенности генезиса и бытования младописьменных литератур позволяют говорить о принципиально новом явлении в сфере исторической поэтики: созданная искусственно, функционирующая на неродном языке, эта литература отчасти имеет в основе общие для мировых литератур мифологические и фольклорные сюжеты и мотивы. Однако наряду с ними на современном этапе развития в этих литературах сохраняется большая доля бытовой сюжетики, что отличает их от современного состояния, например русской литературы, и что диктует и другие отличия, порожденные отсутствием стадийного развития, неразвитостью жанрового и стиливого разнообразия. Но именно эти особенности делают их важным антропологическим свидетельством происходивших перемен в традиционном укладе жизни коренных народов Сибири, разрушения привычных устойчивых форм быта и неизбежной при происходящих процессах смене мировосприятия и мировоззрения. В дальнейшем эти наблюдения и выводы позволят провести анализ генезиса сюжетов и составить типологию мотивов в произведениях писателей различных географических ареалов и этнической принадлежности, а также поставить вопросы о связи сюжетов и жанров в младописьменных литературах.

Список литературы

Бологова М. А., Дампилова Л. С., Полторацкий И. С., Силантьев И. В., Широкова Н. Н. Литературы коренных народов Сибири в аспекте теоретической и исторической поэтики // *Филология и человек*. 2014. № 3. С. 57–65.

Непомнящих Н. А. Человек на перекрестке культур: Эвенкийская литература в современном мире // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе: Сб. науч. ст. Гродно, 2014. С. 45–51.

Непомнящих Н. А. Шаманские камлания в книгах А. Немтушкина, Г. Кэптукэ, Е. Айпина: Соотношение этнографического и художественного в описаниях экстатического транса // Экстаз в литературе и искусстве: Сб. науч. ст. СПб., 2015. С. 75–85.

Полторацкий И. С. Сюжетообразующие функции мотива утраты в шорской литературе // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 123–128.

Суслов И. М. Шаманизм как тормоз социалистического строительства // Антирелигиозник: Науч.-метод. журн. 1932. № 17–18. С. 19–24.

Якимова Л. П. Многонациональная Сибирь в русской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 228 с.

N. A. Nepomniashchikh¹, I. S. Poltoratsky²

*Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *alkat@ngs.ru*, ² *ipoltora@gmail.com*

Themes and motifs of newly created written literatures of Siberia: the question of the comparative study and typology

The motifs and plots common for the various kinds of the literature of Siberian indigenous peoples (such as the Shor, Evenk, Nivkh, Khanty, etc.) are for the first time studied as a complex. The complex includes the motifs and plots of loss, an old man/woman's death, an encounter with a bear, a shaman's ritual shown through a child's eyes. The motifs are studied both as separate motifs in the works of the certain writers and as a whole body of motifs in certain authors' poetics. The similarities of the folklore and the conditions of life determine the similarities in Siberian writers' works. They use motifs and images characteristic to all Siberian indigenous peoples and that is why their texts have so much in common. It is also for this reason that the same plots are often and repeatedly used by the writers belonging to the different kinds of Siberian literature.

Keywords: literature of Siberian indigenous peoples, folklore, genre, plot, motif.

DOI 10.17223/18137083/56/15

References

Bologova M. A., Dampilova L. S., Poltoratskiy I. S., Silant'ev I. V., Shirobokova N. N. Literature korennykh narodov Sibiri v aspekte teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki [Literatures of indigenous people of Siberia in aspect of theoretical and historical poetics]. *Filologiya i chelovek*, 2014, Barnaul: Altai State University, no. 3, pp. 57–65.

Nepomniashchikh N. A. Chelovek na perekrestke kul'tur: evenkiyskaya literatura v sovremennoy mire [The person at the intersection of cultures: the Evenk's literature in the modern world]. In: Avtukhovich T. E. (ed.) *Antropologicheskie sdvigi perelomnykh epokh i ikh otrazhenie v literature* [Anthropological shifts of the pivotal era and their reflection in literature]. Grodno, 2014, pp. 45–51.

Nepomniashchikh N. A. Shamanskije kamlaniya v knigakh A. Nemtushkin, G. Keptuke, E. Aypina: sootnoshenie etnograficheskogo i khudozhestvennogo v opisaniyakh ekstatičeskogo transa [Shamanic rituals (kamlaniya) in A. Nemtushkin, G. Keptuke E. Aypin's books: a ratio of an ethnographic and art ecstatic trance]. In: Denisenko S. V. (ed.) *Ekstaz v literature i iskusstve* [Ecstasy in literature and art]. St. Petersburg, Tver', izd. Mariny Batasovoy, 2015, pp. 75–85.

Poltoratskiy I. S. Syuzhetoobrazuyushchie funktsii motiva utraty v shorskoj literature [The storymaking functions of the motif of loss in the Shorian literature]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 123–128.

Suslov I. M. Shamanizm kak tormoz sotsialisticheskogo stroitel'stva [Shamanism as a hindrance to the building of socialism]. *Antireligioznik*. 1932, no. 17–18, pp. 19–24.

Yakimova L. P. *Mnogonatsional'naya Sibir' v russkoj literature* [Multinational Siberia in the Russian literature]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 228 p.